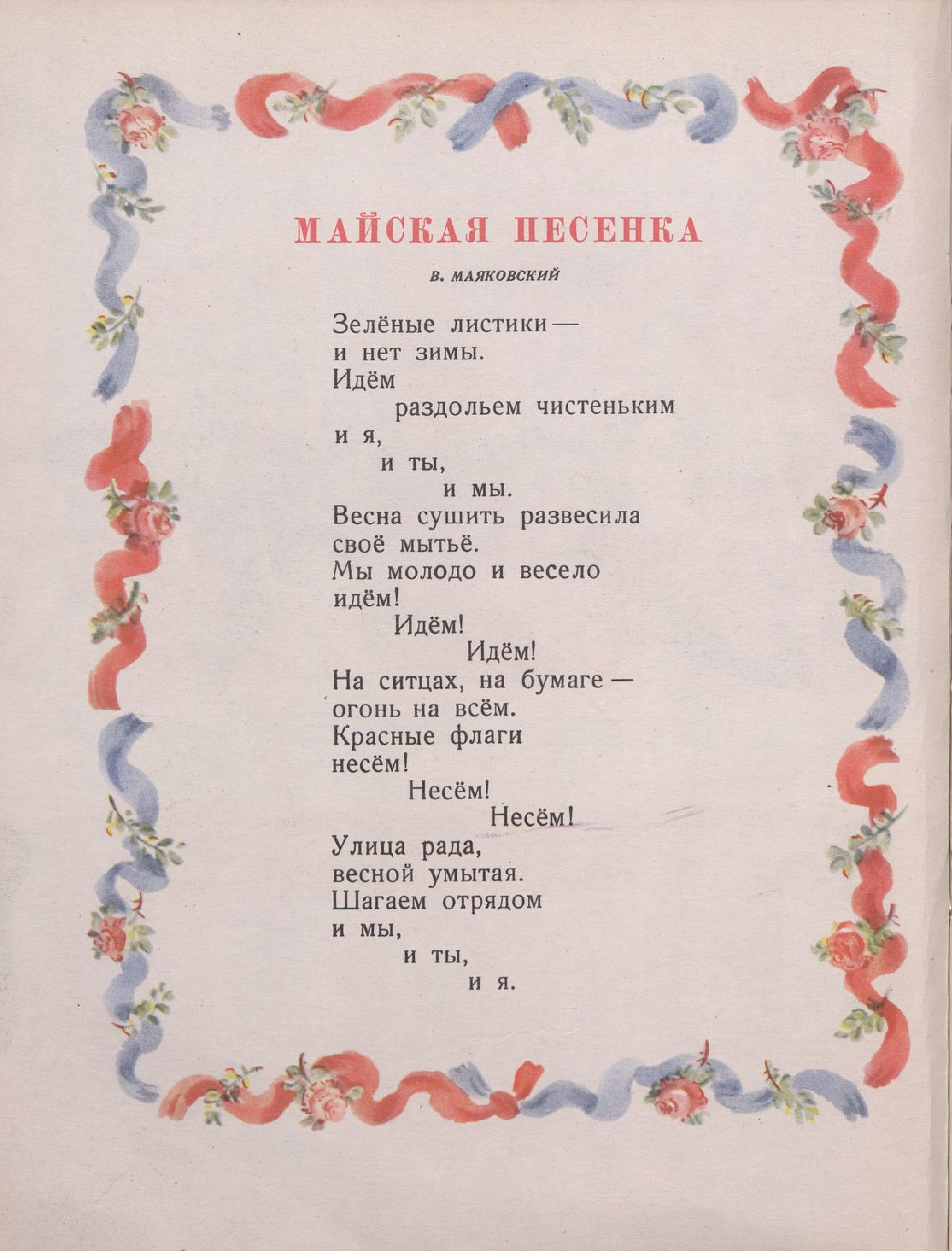

ДА ЗДРАВСТВУЕТ 1 МАЯ!

МАЙСКАЯ ПЕСЕНКА

В. МАЯКОВСКИЙ

Зелёные листики —
и нет зимы.
Идём
раздольем чистеньким
и я,
и ты,
и мы.
Весна сушить развесила
своё мытьё.
Мы молодо и весело
идём!
Идём!
Идём!
На ситцах, на бумаге —
огонь на всём.
Красные флаги
несём!
Несём!
Несём!
Улица рада,
весной умытая.
Шагаем отрядом
и мы,
и ты,
и я.

С картины С. Дудника „ЗАЛП „АВРОРЫ“

ГОРОДУ ЛЕНИНА — ДВЕСТИ ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ

НИКОЛАЙ ТИХОНОВ

Рис. А. ЕРМОЛАЕВА

Ленинград! Ему сегодня двести пятьдесят лет. Много есть городов древнее его, но не много есть красивее его. На берегах полноводной, широкой Невы раскинулся он, неузнаваемо выросший с того далёкого дня, когда Пётр Первый строил первые домики своей столицы, а на Васильевском острове бегали олени и ещё не было крепости Кронштадт, защищающей город с моря.

Памятник Петру I

Невский проспект

Город был основан на стародавней русской земле, у выхода в Балтийское море. Здесь начинался Великий водный путь, которым добирались в старину до самого Константинополя.

В этом городе родилась Великая Октябрьская революция, провозглашено было первое в мире государство трудящихся.

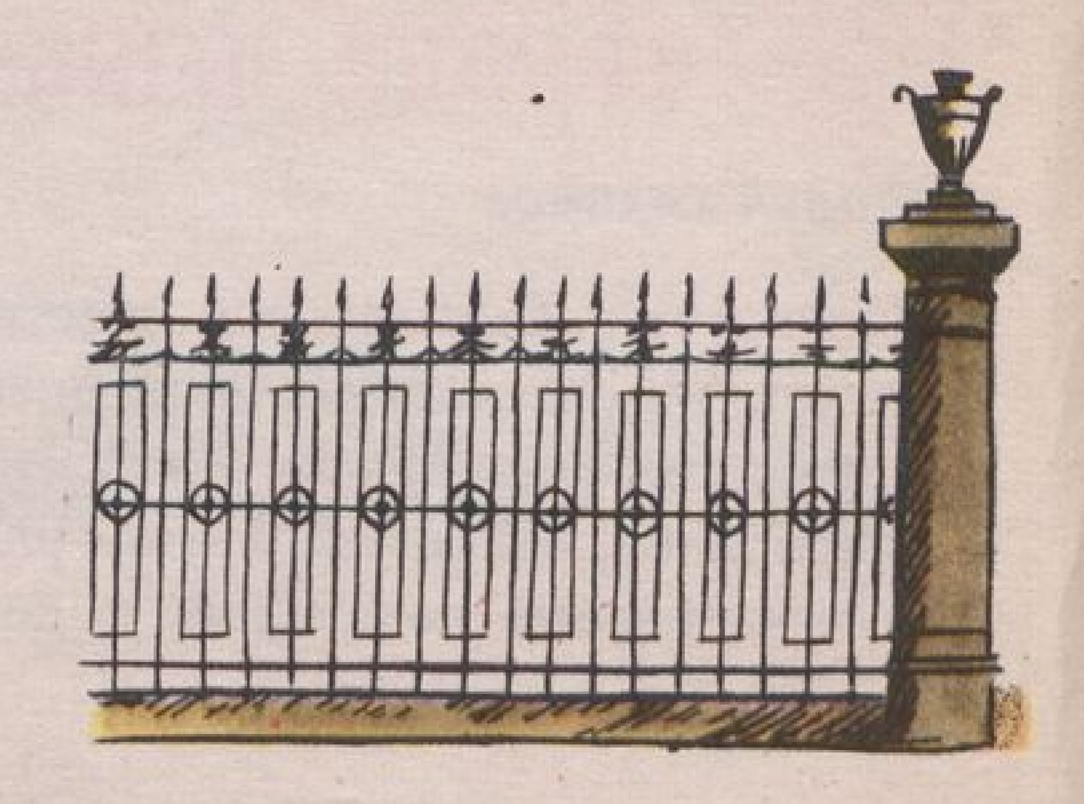
Здесь жил, работал, творил великий Ленин. Великий Сталин вместе с Лениным возглавил восстание вооружённого народа и 25 октября 1917 года вошёл в первое Советское правительство, председателем которого был избран Ленин. Город тогда назывался Петроградом. Первый из советских городов, он стал городом-орденоносцем, получив орден Красного Знамени за беспощадный отпор белогвардейским генералам. Этот отпор был организован под руководством товарища Сталина.

После смерти Ленина, по просьбе рабочих всех фабрик и заводов города, он был переименован в Ленинград.

В городе сосредоточены величайшие исторические памятники, с ним связаны имена гениев нашего народа — выдающихся политических деятелей, учёных, писателей, музыкантов, скульпторов, архитекторов. После Октябрьской революции город стал большим культурным центром, арсеналом социалистической индустриализации, давшим Советской стране много замечательных машин, станков, кораблей. Первые тракторы, первые блюминги были созданы в Ленинграде. Люди с золотыми руками и русским широким талантом — ленинградские констру-

Штурм Зимнего дворца в октябре 1917 г.

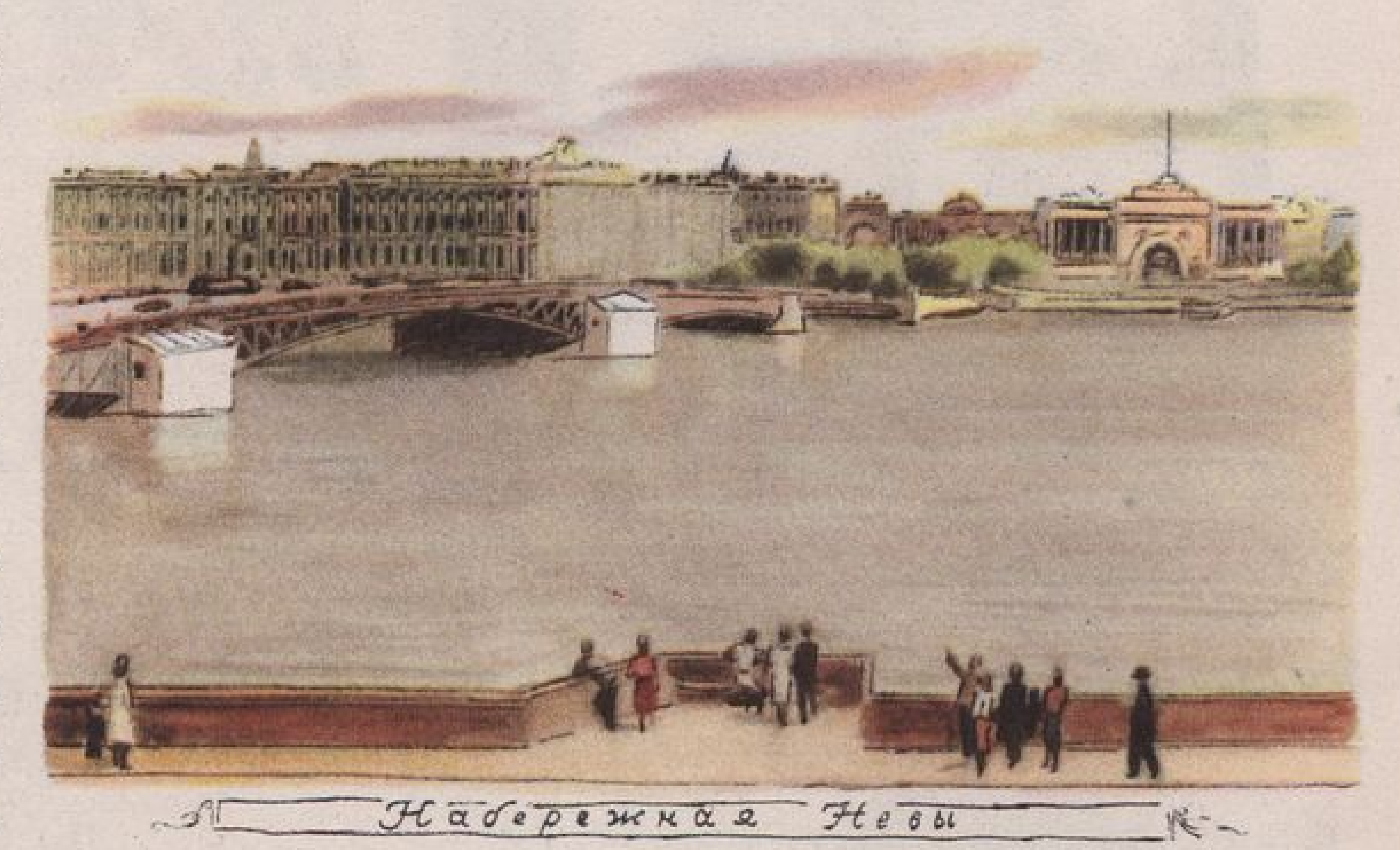
кторы и мастера производства работают сейчас для создания громадных турбин, крупнейших электромашин, работают для новых, коммунистических строек нашей страны.

Ростральные колонны

В Ленинграде жили и работали также выдающиеся руководители, такие верные сыны Коммунистической партии, как Киров и Жданов. Киров много сделал для украшения города, для его культурного роста, для его обороны. Жданов возглавил оборону города во время Великой Отечественной войны. В труднейшие дни осады Ленинграда гитлеровцами великий Сталин руководил всем разгромом фашистов под Ленинградом и спас город от уничтожения.

За героическую оборону на груди города-героя засиял орден Ленина. Ленинград быстро восстановил разрушенное врагом и стал ещё красивее, ещё величавее.

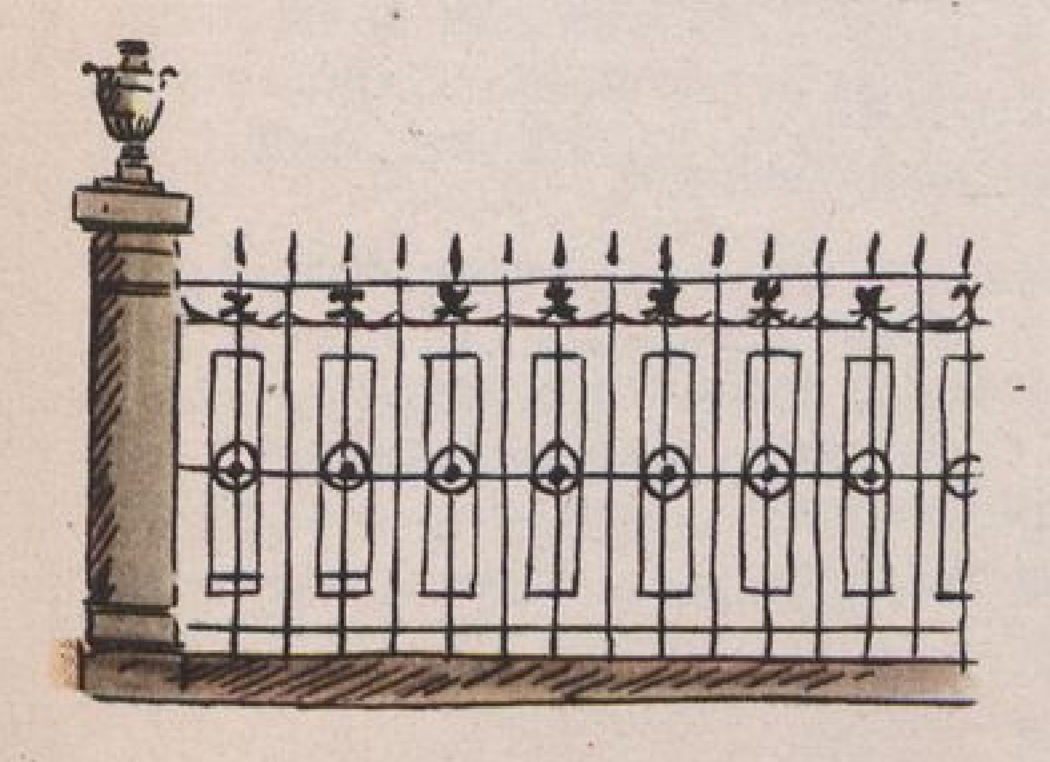

Набережная Невы

День и ночь дымят трубы заводов и фабрик над Невой. Непрерывно строятся новые дома, возникают новые кварталы города. На огромный стадион на берегу залива сходятся ленинградцы посмотреть на спортивные состязания.

В городе много зелени и воды. Многочисленные каналы пересекают его, парки и сады полны играющих детей — будущих строителей и мастеров.

Вся Советская страна приходила на помощь Ленинграду в трудные дни Великой Отечественной войны. Вся Советская страна будет приветствовать юбилей города-героя, города славных коммунистов, бесконечно преданных великой партии Ленина — Сталина, родному Сталинскому ЦК.

Ленинград в дни Отечественной войны

МАЛЕНЬКИЕ ТОВАРИЩИ

А. КАРДАШОВА

Рис. П. КАРАЧЕНЦОВА

МАЛЕНЬКИМ ТОВАРИЩАМ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Воспитательница Тяо
Села у стола,
Воспитательница Тяо
Кисточку взяла.
— Пусть будет тишина! —
Сказала всем она.

Все успокоились, всем интересно,
Стульчики сдвинули дружно и тесно,
Прижались друг к другу плечами.
Ай Сун не болтает ногами,
Ли Чан не толкает Цзынь Пэня,
И руки у всех — на коленях.

Тяо-воспитательница
В низенький флакончик
Окунула кисточку,
Только самый кончик.
— Цзынь Пэнь, про что писать сперва?
Какие первые слова?

— Во-первых, — отвечает он, —
Пошлём приветов миллион!

Ли Чан сказал: — А во-вторых,
Напишем, как мы любим их.
«Вы — дети Сталина! — мы скажем. —
А нам он разве не родной?
Пускай мы вас не видим даже,
Но мы живём семьёй одной.
Москве от нас большой поклон,
И вам — приветов миллион».

— Так! Хорошо! — сказала Тяо
И записала на листке. —
Теперь о ком?
О мудром Мао,
О сталинском ученике.

ПРО МАО ЦЗЭ-ДУНА

Мао Цзэ-дуна знают все дети,
Только спросите — каждый ответит.
Даже трёхлетний
Мальчик Ай Сун

Сразу ответит,
Кто Мао Цзэ-дун.
Так же ответят все дети Китая:
— Наш председатель Мао Цзэ-дун!

И годовалые,
Самые малые,
Кто говорит слово «мама»,
Тот говорит слово «Мао».

Сталин его своим другом назвал,
К счастью народному путь указал.
Сталина имя у Мао в груди,
С ним он всегда впереди!

Мао боролся долгие годы,
Армию смело водил он в походы,
В горах неприступных,
В пустынях голодных
Вёл он защитников наших народных.

Словно потоки с горных хребтов,
Ринулась армия в бой на врагов
И, наконец, отстояла в бою
Землю родную свою.

Победа! Победа!
Армии — слава!
Армии — слава!
Да здравствует Мао!
Радость в Китае!
Счастье в Китае!
Люди в Китае весёлыми стали!

Мао сказал: наши дети должны
Жить, как все дети Советской страны...

Кто же не знает Мао Цзэ-дуна?
Спросите Ли Чана, спросите Ай Суна.
Дети на ножки ещё не встают,
А на портрете его узнают.

Воспитательница Тяо
Отложила два листка,
Над флакончиком застыла
С тонкой кисточкой рука.

— Про что напишем мы сейчас?
— Про то, как весело у нас!
— Про дом!
— Про сад!
— Про всех ребят! —
Все разом громко говорят.

Сказала Тяо: — Ну и ну!
Куда вы дели тишину?
Пусть тишина придёт опять.
Юн Мэй, скажи, про что писать?

— Сейчас напишем мы о том,
Какой у нас хороший дом.

ПРО НАШ ДОМ

В саду тенистом и густом
Расчищены дорожки,
Стоит в саду красивый дом,
Распахнуты окошки.

На стёклах — львы, собаки,
Верблюды из бумаги...

Все знают этот дом кирпичный
Под красной крышей черепичной
Дом целый день шумит, поёт,
Как улей, полный пчёл.
Прохожий встанет у ворот,
Куда бы он ни шёл,
Наклонит голову к плечу.
«Там мой мальчишка тоже.
Вдруг сына голос различу?» —
Подумает прохожий.
И скажет: — Эх, хороший дом! —
И щёлкнет пальцами притом.

НАШИ МАМЫ ОЧЕНЬ ЛЮБЯТ ПОГОВОРИТЬ У ВОРОТ ДЕТСКОГО САДА

Это кто так быстро едет?
Цзынь Пэнь,
Цзынь Пэнь.
Едет на велосипеде
Цзынь Пэнь, Цзынь Пэнь.

Упросил мальчишка маму
Посадить его на раму,
А ведь мама — почтальон,
Потому и едет он.

Сзади — мама на седле,
Сумка с почтой на руле,
Посредине — Цзынь Пэнь, —
Вот бы ехать весь день!

На больших колёсах спицы
Ослепительно блестят,
А Цзынь Пэнь, как ветер, мчится
В детский сад,
В детский сад.

Мама спрыгнула с седла,
Сына привезла.

Вон мама девочки Юн Мэй,
А вот и дочка рядом с ней,
А на спине другая дочка
Выглядывает из мешочка.
Ми Сяо с дедушкой своим...
Но что так интересно им?

В кругу стоит Ли Чана мама,
Товарищ Сяо Тин,
А рядом с мамой гордо, прямо
Стоит счастливый сын.

И мама рада и горда,
Так весело глядит,
Значок отличника труда
На кофточке блестит.

Конечно, мамы всех ребят
Такой значок иметь хотят.
— Я сделала так мало... —
Сяо Тин сказала. —

Чуть-чуть поправила челнок,
Чтоб побыстрее ткал станок. —
Вокруг неё раздался шум:
— Чтоб так исправить, нужен ум!
— Нам голова не зря дана! —
Смеётся весело она.

И воспитательница Тяо
К ним тоже вышла в сад.
На воспитательнице Тяо
Как снег блестит халат.

— Сердечно поздравляю вас,
Товарищ Сяо Тин,
Значок вам дали в первый раз,
Он будет не один.
Желаю вам больших побед!
Живите десять тысяч лет!

К НАМ В ДОМ ЧАСТО ПРИХОДИТ ДОКТОР ВАН

— Надо прыгать по утрам,
Надо бегать по утрам,
А потом итти под кран, —
Говорит доктор Ван.

Он плечистый, доктор Ван,
Мускулистый, доктор Ван.
Ну, конечно, каждый хочет
Быть таким, как доктор Ван.

Очки у доктора блестят,
Топорщатся усы...
Доктор Ван зовёт ребят:
— Пойдёмте на весы.

Гирьку двигает сестра,
Ведёт прибавкам счёт!
Ли Чан прибавил полтора,
Ми Сяо — два пятьсот,
А маленькая Ло —
Только полкило.

Закричали все: — Ты что ж
Рису мало ела?
Почему ты отстаёшь,
Плохо потолстела?
На Цзынь Пэня посмотри —
Он прибавил целых три! —
А Цзынь Пэнь стоит весёлый.
— Ух, какой же я тяжёлый!

Сестра сказала: — А теперь
Вставай сюда и рост измерь.

Всё замечает доктор Ван,
Всё видит сквозь очки.
— Эй, эй! — кричит он. — Здесь обман,
Встал мальчик на носки!

Тут шум поднялся, разговор,
Цзынь Пэня все стыдят.
Он покраснел, как помидор,
Он очень виноват.

Доктор Ван сквозь очки
Осмотрел все язычки,
Все горлышки, все уши,
Сердца у всех прослушал...
Молоточек доктор Ван
Положил себе в карман.
— Нет у нас больных ребят! —
Доктор Ван очень рад.

На одной ноге,
На другой ноге...
Это танец народный,
Называется — янге.

Вот на портрете — Сталин,
Вон Мао на портрете!
— Мы сразу их узнали! —
Радуются дети.

Вон голубь, друг крылатый,
Луч солнца на крыле.
В Китае все ребята —
За мир на всей земле.

Воспитательница Тяо
С тонкой кисточкой в руке
Сверху вниз, легко и быстро
Пишет знаки на листке,
А глаза всех ребят
За её рукой следят.

Маленьким товарищам
Из Страны Советской
Пишут их товарищи —
Сад китайский детский.

Пишут им о мудром Мао,
Пишут им о Первом мая
И о том, как дни проводят
Дети нового Китая.

«Мы любим всех людей советских,
Мы с вами — лучшие друзья.
Живём мы дружно, по-соседски —
Одна могучая семья».

СЕГОДНЯ ПРАЗДНИК

Какой нарядный детский сад!
Флажки, фонарики висят,
А платья девочек пестрей
Бумажных ярких фонарей.

Все ребята барабаны
Прикрепили к поясам,
Барабанят, барабанят —
Гром несётся к небесам.

Все девочки, все мальчики
Сегодня барабанщики.

Развеваются драконы
На бамбуковых шестах,
Приближается колонна,
Вся в плакатах и цветах.

Песни, крики, шум трещоток...
А детей, детей — без счёта!
И везде — в любом ряду
Все танцуют на ходу

АНДРЕЙ ШМАНКЕВИЧ

Рис. В. ЩЕГЛОВА

БЕЗ ПЕРЕВОДЧИКОВ...

У юнги Андрея Сажина ещё не было особых заслуг перед Родиной. Он не успел совершить ни боевых, ни трудовых подвигов, поэтому грудь его не украшали ни ордена, ни медали. Только один маленький круглый значок был у него на груди, но дорожил им Андрейка, как дорожит воин своей боевой наградой, — это был значок с портретом товарища Сталина.

Приколол этот значок к форменке Андрейки его командир, старшина первой статьи Курочкин, в тот день, когда юнга в первый раз самостоятельно передал на флагманский корабль донесение командира корабля.

— Носи его образ, Андрейка, всегда. И не только на груди, но и в сердце. Тогда не свернёшь с правильного фарватера, — сказал старшина.

И вот летом тысяча девятьсот сорок пятого года, вместе со всеми моряками Амурской Краснознамённой флотилии, приплыл юнга Сажин в китайский город Харбин — столицу Маньчжурии. С боями прошли советские моряки-освободители по реке Сунгари, выбивая японских захватчиков из всех селений и городов по берегам реки, и, наконец, надев чехлы на жерла орудий, бросили якоря на харбинском рейде.

На второй день после подъёма флага старшина сказал Андрейке:

— Готовься к увольнению на берег по форме три. Да смотри, чтобы всё было, как полагается...

Андрейка со всех ног бросился выполнять приказание. Через полчаса он уже стоял в строю на левом фланге в аккуратной фланелевке, в брюках, на которых складки были так заутюжены, что «воздух резали», в сверкающих ботинках.

Они подошли на катере к берегу

и по гранитным ступенькам поднялись на набережную. Тут их окружила многотысячная толпа народа, — это китайцы пришли встречать своих освободителей. Все они так кричали, размахивали бумажными флажками на бамбуковых палочках, что Андрейка оробел и ухватил старшину за руку.

— Ну вот... — засмеялся старшина. — Врагов не боялся, а от друзей прячешься...

— Так я же не понимаю по-ихнему... Не знаю, что они говорят, —начал оправдываться Андрейка.

— А ты им в глаза смотри, тогда тебе всё будет понятно, — посоветовал Курочкин. — Видишь, у них от радости глаза полны слёз. А у врагов в глазах только злоба светится.

В толпе образовался узкий проход, и моряки пробрались по нему до приречного бульвара. Оглянувшись, Андрейка заметил, что следом за ними двигалось не меньше сотни ребят и все они с таким нескрываемым восторгом и любопытством смотрели на него, что он счёл необходимым приосаниться и выгнуть грудь колесом.

Но скоро он позабыл обо всём. Чужой, незнакомый город поражал его на каждом шагу. Он то и дело спрашивал:

— А это что? А это?..

Старшина и сам готов был задавать такие вопросы, да некому было. Однако скоро выяснилось, что многие китайцы, жители Харбина, хоть и плохо, но говорили по-русски.

В одном месте увидал Андрейка большие бумажные кисти, подвешенные у входа в какое-то помещение, и спросил:

— Для чего это?

Немедленно из толпы вышел старик-китаец и, улыбаясь, сказал:

— Когда захочешь кушать— приходи сюда.

— Харчевня, стало быть...— добавил старшина.

Ещё больше удивился Андрейка, когда мимо них по мостовой пробежал молодой китаец в засученных выше колен штанах. Он бежал, придерживая оглобли небольшой коляски на велосипедных колёсах. В коляске, важно развалившись на сиденье, полулежал какой-то толстый господин.

— Ой, что это, старшина? — крикнул поражённый юнга.

— Это, Андрейка, рикша... Человек-лошадь... Не от хорошей жизни занимается он этим делом, — пояснил старшина.

К ним самим не раз подкатывали рикши свои экипажи и наперебой предлагали услуги. Они очень были удивлены тем, что советские моряки ни за что не хотели сесть в повозку, в которую вместо лошади был запряжён человек. Ведь другие иностранцы первым делом старались испытать такое «удовольствие».

Юнга и старшина прошли через центр города, где торговали не только в магазинах, но и на тротуарах, — торговали всем, чем только можно: веерами и зонтиками, всевозможными брошками и значками, резиновыми тапочками, старыми оконными рамами и расписными шёлковыми халатами — кимоно.

На окраине города они попали в район, где люди не торговали, а работали. Здесь ютились всевозможные мастерские, небольшие заводики, конные дворы, склады.

На одной из улочек, у ворот склада, к ним подошёл мальчонка-китаец. Он тащил куда-то тяжёлый ящик с инструментами: молотками, ключами, напильниками. По виду он был не старше Андрейки, но очень бледный и худой.

Застенчиво улыбаясь, он что-то сказал морякам, но ни старшина, ни Андрейка не поняли его.

— Здоровается, наверно, с нами, — предположил Курочкин и протянул мальчику руку.

Тот страшно смутился, схватил кусок ветоши, вытер ладонь и почтительно пожал руку сначала старшине, потом юнге. А после этого, ткнув себя пальцем в грудь, сказал:

— Ли...

— Старшина первой статьи Курочкин, — тем же способом представился старшина.

— Юнга Андрей Сажин... — стесняясь не меньше самого Ли, представился Андрейка. — На работу идёшь? — добавил он, показывая на инструменты.

Ли закивал головой, что-то сказал, но видя, что моряки его не понимают, схватил разводной ключ и показал, что заворачивает что-то ключом.

— Водопроводчик, наверно, — сказал старшина, а чтобы проверить, сделал вид, что набирает из крана воду и пьёт.

Мальчик даже затанцовал на месте от радости, что его правильно поняли. Но вдруг он перестал суетиться, протянул руку к Андрейкиной груди и прошептал:

— Сталин...

— Сталин... — подтвердил Андрейка и посмотрел на старшину. — Знает товарища Сталина...

Ли снова закивал головой, заулыбался. Потом поднял правую руку и сказал:

— Сталин!

Поднял левую:

— Мао Цзэ-дун!

Затем соединил руки и крепко стиснул их.

— Сталин! Мао Цзэ-дун! — крикнул он.

И тут все, кто находился рядом с ними, принялись выкрикивать:

— Сталин! Мао Цзэ-дун! Сталин! Мао Цзэ-дун!..

— Вот это, брат, и без всяких переводчиков ясно, — улыбнулся старшина. — Потому и послал нас товарищ Сталин к вам на выручку, что братья мы...

В ответ Ли снова что-то сказал и протянул руку к груди Андрейки. Лицо у него при этом явно выражало какую-то просьбу. Старшина развёл руками.

— К сожалению, товарищ Ли, я ещё не совсем овладел вашим языком. Не понимаю, что ты говоришь...

— А я понимаю, — заявил вдруг Андрейка. — Он, старшина, просит у меня значок...

И, как бы подтверждая слова Андрейки, Ли показал на значок, потом себе на грудь. Может быть, он хотел этим сказать, что носит образ Сталина в сердце, но Андрейка понял это, как просьбу, отколол значок и протянул его мальчику.

В первую минуту Ли точно окаменел, потом робко протянул дрожащую руку, взял значок, бережно положил на ладонь, поднёс к губам и поцеловал...

* * *

На другое утро, заступив на вахту, старшина окликнул юнгу:

— Пойди-ка, Андрейка, посмотри, кто там стоит на набережной?

Андрейка прильнул к стереотрубе и совсем рядом, как будто в двух шагах от себя, увидел Ли. На груди у мальчика алел большой бант, завязанный в виде цветка. А в самом центре банта был приколот значок с портретом товарища Сталина.

На набережной был не один Ли. Огромная толпа ребят толпилась на гранитных ступеньках. Они терпеливо поджидали советских моряков. Всем им хотелось носить на груди портрет великого друга китайского народа.

МАМИН ТРОЛЛЕЙБУС

О. ВЫСОТСКАЯ

Рис. Т. ЕРЁМИНОЙ

Троллейбус, троллейбус
По улице идёт!
По гладкому асфальту
Плывёт, как пароход!

Посмотрите,
Он каков
Сзади,
Спереди,
С боков:
Сверху — жёлтый,
Снизу — синий,
На груди его — звезда,
А над ним
Воздушных линий
Протянулись провода.

Чтоб троллейбус мог итти,
Нужен ток ему в пути.

У него два ярких глаза.
Это фары-фонари.
Сзади
Номер виден сразу —
«Восемнадцать-
Тридцать три».

Троллейбус, троллейбус
По улице идёт!
Это мама Сашина
Троллейбус ведёт.

Мама Сашина — водитель.
К ней в кабину не входите:
Мама Сашина — в пути!
Где же Сашу нам найти?

На остановке Саша ждёт,
Недалеко от дома.
По этой улице пройдёт
Троллейбус наш знакомый.
И сможет мама по пути
В детсад сынишку отвезти.

Забрался в валенки мороз,
Пощипывает ноги,
А Саша трёт озябший нос
И маму ждёт в тревоге.
Так долго ждёт он в первый раз!
Должно быть, уж девятый час.
Вот почтальон, как скороход,
Помчался в утренний обход.

Соседский дворник бородатый
Прошёл с огромною лопатой.
Засыпал улицу снежок:
У дворников — работа...
— Садись быстрей! Садись, Сашок! —
Вдруг громко крикнул кто-то.
Кондуктор мальчика зовёт,
Ему руками машет,
И Саша сразу узнаёт
Смирнову — тётю Дашу.
— Я, тётя Даша, не пойду,
Я мамину машину жду.
— Садись быстрее, говорят,
Со мной доедешь в детский сад!
У мамы без тебя дела:
Её машина в парк пошла!

* * *

В чужой машине едет Саша.
Сидит он сзади у окна.
Всех усадила тётя Даша —
Билеты раздала она

И рассуждает не спеша:
— Ведь вот, скажи на милость,
Из-за такого малыша
Авария случилась!

Вам всё, ребятам, нипочём!
Сейчас один курносый
На мостовую — прыг с мячом,
И прямо — под колёса!
Ну, мама услыхала крик,
Затормозила резко,
А сзади мчался грузовик
Строительного треста.
Шофёр замешкал с тормозами
Да и толкнул троллейбус мамин...

— А как же мальчик? — Мальчик цел!
Ушиб немного ногу.
А вот троллейбус
«заболел» —
Поломок очень много!
Он в парк побрёл, как инвалид.
Теперь в ремонте простоит.

* * *

Все троллейбус окружили.
— Вот несчастье! — говорят.
Первым делом порешили
Дать жестянщикам наряд.

Чтоб сегодня ж, до заката,
Всю обшивку починить,
Все листы, что были смяты,
Чтоб другими заменить.

Столяры явились тоже,
Говорят: — И мы поможем!
Бок в порядке,
а теперь
Принимаемся за дверь!

Вот пошли за маляром.
Он пришёл, гремя ведром.
— Где, — спросил он. — неполадки? —
И закрасил все заплатки.

В цех заходят мама с Сашей:
— Как дела с машиной нашей? —
Отвечают мастера:
— Всё закончим до утра!

* * *

Спали взрослые и дети,
Вся Москва ещё спала,
А уж мама на рассвете
В парк троллейбусный пришла.

Там троллейбус ждёт-стоит,
Он исправлен и помыт.
Весь к работе он готов,
От колёс до проводов.

— С добрым утром, пассажиры,
Инженеры и врачи,
Новых строек бригадиры,
И бойцы, и командиры,
С добрым утром, москвичи!
С добрым утром,
С новым днём!
На работу,
На работу
Всех сейчас мы отвезём!

* * *

На весенней улице
Стоит толпа ребят.
Чего они волнуются?
Куда они глядят?

Вдруг — гудок. Из-за угла
К ним машина подошла.

Флажками разукрашена,
Машина вся сверкает.
Выходит мама Сашина,
Довольная такая.

Говорит: — Прошу садиться,
Мы поедем прокатиться!
Поглядим,
какова
Первомайская Москва!

Тут Саша вышел вдруг вперёд —
Подходит прямо к маме.
Он ей картинку подаёт:
— Мы рисовали сами!
Смотри-ка, вот троллейбус твой,
Идёт он праздничной Москвой!

Раскрашен он карандашами —
Зелёным, красным, голубым!
«ПОПРАВИЛСЯ ТРОЛЛЕЙБУС МАМИН!»
Внизу написано под ним.

* * *

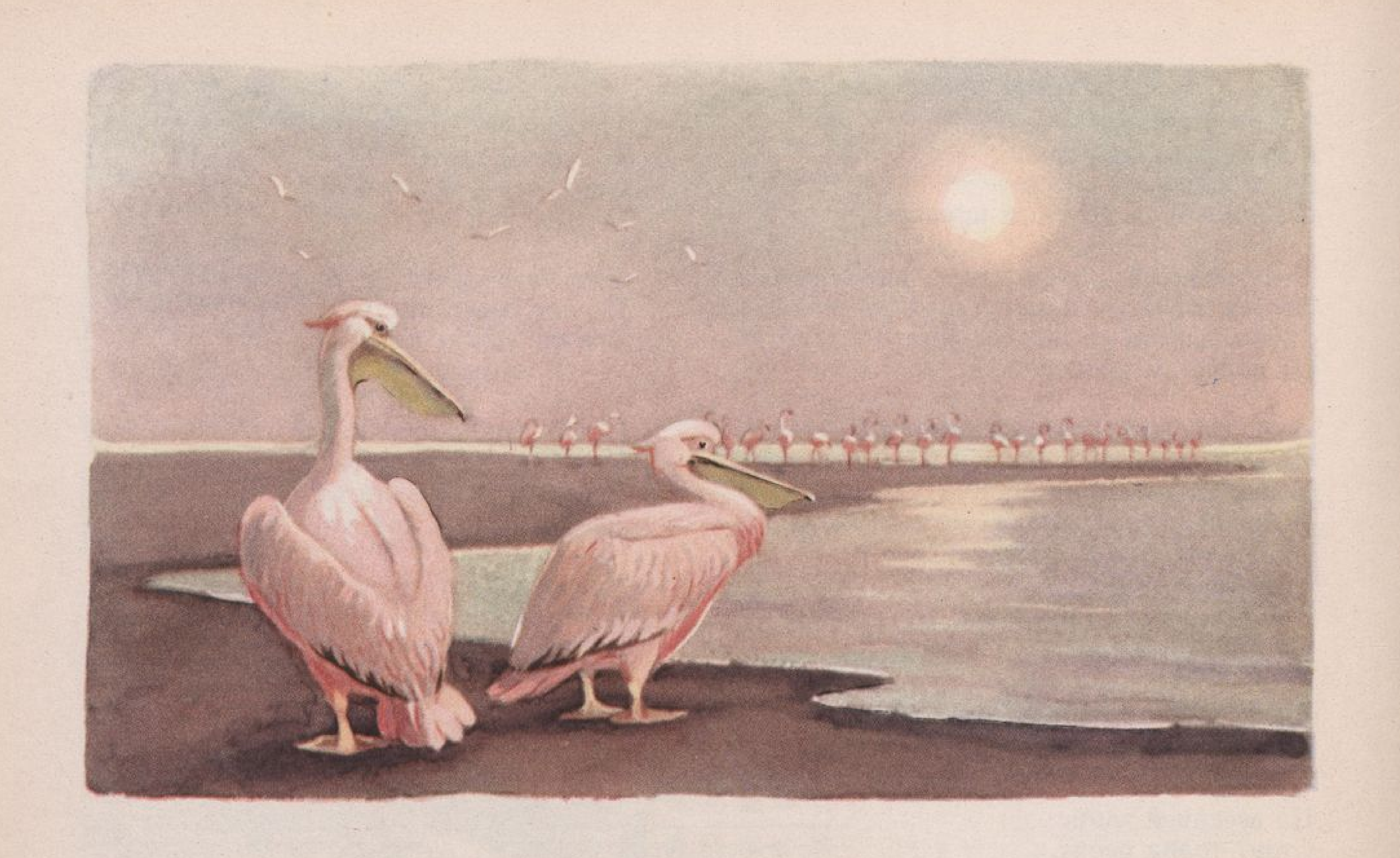
Троллейбус, троллейбус
По улице идёт!
Сегодня на прогулку
Он детский сад везёт!

Свежей краской он блистает
И снаружи и внутри.
Все прохожие читают:
— «Восемнадцать тридцать три».

Наши улицы большие,
Чистые, прекрасные!
Все от солнца золотые,
Все от флагов красные!

Самолёт летит куда-то
В первомайской синеве,
А в троллейбусе ребята
Едут с песней по Москве!

В ЛЕНКОРАНИ

Г. СКРЕБИЦКИЙ, В. ЧАПЛИНА *Рис. В. ТРОФИМОВА*

Богата и разнообразна природа нашей страны. Бережно охраняют её советские люди. В самых различных местах — в лесах, горах, степях, по побережью морей — раскинулись наши заповедники. В них строго запрещено рубить лес, охотиться на птиц и зверей, ловить рыбу.

Далеко на юге нашей Родины, у берегов Каспийского моря, лежит Ленкоранская низменность. Там в богатых колхозных садах зреют мандарины и лимоны, золотится на солнце вкусный инжир и выращиваются лучшие сорта чая. По дорогам бредут запряжённые в повозки буйволы. Их обгоняют легковые и грузовые машины.

Буйволы — сильные, выносливые животные. Жаркое ленкоранское лето они переносят очень хорошо.

У самого моря расположен Қызыл-Агачский заповедник.

В густых камышах побережья нередко можно встретить семью кабанов. Они непрочь полакомиться вкусными корешками болотных растений, а в знойный день и отдохнуть в прохладе камышей. Однако увидеть такое семейство не просто: заботливая мать чутко охраняет своих малышей, и достаточно самого малейшего звука, чтобы вся кабанья семья мгновенно скрылась в густых зарослях.

Қамышовые заросли, мелководный залив и песчаные отмели — хорошие пристанища для водоплавающих и болотных птиц, особенно в зимнее время.

Сюда летят зимовать с далёкого севера казарки, тянутся вереницы диких гусей, летят с низовьев Волги каравайки, колпицы и масса других птиц из различных мест нашей страны.

Несметные стаи диких гусей и уток покрывают спокойную гладь залива или, с шумом поднявшись в воздух, летят к берегам на кормёжку.

По мелководью разгуливают длинноногие фламинго. Огромные, неуклюжие пеликаны то сидят на песчаных отмелях, то летят на рыбную ловлю. Ловят они рыбу стаей. Выстроятся на воде полукругом и, хлопая крыльями, гонят перед собой рыбу. Подгонят к мелкому месту — тут и начнётся самая ловля; только и видно, как пеликаны открывают свои огромные клювы и, словно сачком, поддевают добычу. А как наглотаются вдоволь рыбы, выйдут на берег, крылья раскроют и стоят так, пока все перья не высушат.

Всю зиму с утра и до ночи на побережье слышатся разноголосые птичьи крики. Птицы повсюду: на земле, в воздухе, на воде. Для охраны зимовки птиц и устроен Кызыл-Агачский заповедник. Но вот наступает весна, и вереницы крылатых путешественников покидают гостеприимные берега заповедника, покидают на всё лето, чтобы с наступлением осени снова вернуться в эти места.

ЗАЯЦ РВАНЫЕ УШКИ

(Рассказ о кавказской природе)

Н. СЛАДКОВ

Рис. Г. НИКОЛЬСКОГО, А. КЕЛЕЙНИКОВА

В жизни не видал такого хитрого зайца!

Да и то сказать: не будь он так хитёр, или, выражаясь по-военному, не умей он так ловко приспосабливаться к местности, давно бы он попал орлу в когти или кому-нибудь из хищных зверей в зубы. Лисиц, волков, рысей здесь множество, и они переловили всех зайцев на этом склоне горы. Остался один — Рваные Ушки.

Уши нарвал ему беркут — горный орёл — за неосторожность. С тех пор зайчишка и стал таким умным.

Беркут был молодой, неопытный. Старый орёл падает прямо на спину зайцу и ломает ему хребет. Молодой догнал зайчишку и вцепился когтями в длинные заячьи уши. Заяц на бегу выдрал свои уши из страшных орлиных когтей и шмыгнул под большие камни на склоне горы.

Эти камни на склоне лежали грядой, образуя собой как бы длинную трубу или нору: зайчишке под ней есть где пролезть, а лисе или орлу — никак.

Беркут сел перед входом, сунул в нору шею, а крылья его не пускают. Пришлось отказаться от добычи. Улетел другого зайца ловить — поглупее.

Зайцы не устраивают себе постоянных логовищ, как кролики. Кормятся они ночью, а начнёт светать — заяц поскачет, след свой запетляет, запутает, потом махнёт с него в сторону, — тут и заляжет на весь день где-нибудь под камнем или кустиком.

Да не спасли эти давно известные всем любителям зайчатины заячьи хитрости всех других зайцев на этом открытом, безлесном склоне горы. Уцелел, говорю, один этот хитрющий зайчишка.

А почему уцелел? Потому, что вопреки всем заячьим обычаям избрал себе постоянным логовом вот эту самую гряду камней, которая спасла его уже однажды от молодого беркута.

Не раз с тех пор охотились за ним и старые, опытные беркуты. Но зайчишка не отходил далеко от своих камней. Нырк — и исчез под ними.

Пробовали ловить его и волки. Да куда им, таким здоровым-то, подлезть под камни! В кровь себе горбину стёрли, а пришлось отступиться.

Пробовала ловить его и страшная рысь — большая пятнистая кошка с маленькой головой и длинным, гибким, как у змеи, телом. Во все дыры между камнями засовывала она свой нос. Всюду под ними вкусно пахло зайчатиной, но ни раздвинуть, ни проскользнуть между камнями она не могла.

На беду заячью жили на той горе, как уже сказано, и лисицы.

Уж лисицы-то, известно, хитрые звери и зайцев ловить — великие специалисты.

Зиму зайчишка Рваные Ушки перезимовал у себя в камнях благополучно. А весной, как стаял снег, увидали его лисицы: лис и лиска. Ну и, конечно, взялись за него вдвоём.

Зайчишка лежал на склоне — пузечко на солнце грел. А сам по сторонам косился: не грозит ли откуда какая опасность?

Лис начал к нему подкрадываться на согнутых ножках. Да не тут-то было!

Заметил зайчишка, вскочил... Лис за ним со всех ног кинулся.

А Рваные Ушки прыг-скок — и дома!

Лис стал у входа в зайчишкину нору и ждёт.

Рваные Ушки так делал: уйдёт тот, кто его ловит, он подождёт немножко и выйдет наружу. Тут-то его лис и собрался схватить.

Но Рваные Ушки так испугался лиса, что пробежал всю длинную трубу, всю свою нору под камнями и выскочил с другой стороны каменной гряды. Так он не раз спасался от волков и рыси. Против них хороша была эта хитрость, а вот против лисиц — не очень-то!

Когда лис только ещё начал гнать зайчишку, лиска уже со всех ног бежала к тому концу каменной гряды. Прибежала и

стоит у выхода из норы — караулит.

Зайчишке с его умишком где же про такое догадаться? Он и выскочил из норы прямо на лиску!

Лиска в это время уже облизывалась: мечтала, как сейчас сладкой зайчатинкой полакомится.

И хорошо, что облизывалась: не успела она язык убрать, зайчишка налево кругом и назад в нору.

Тявкнула лиска с досады, а ничего не поделаешь: сама виновата! Остаётся теперь обоим охотникам — лису и лиске — спрятаться и терпеливо дожидаться, когда зайчишка с той или другой стороны каменной гряды выскочит. Правильную осаду держать.

Вот и сидят лисицы: лис у входа, лиска у выхода, — ждут.

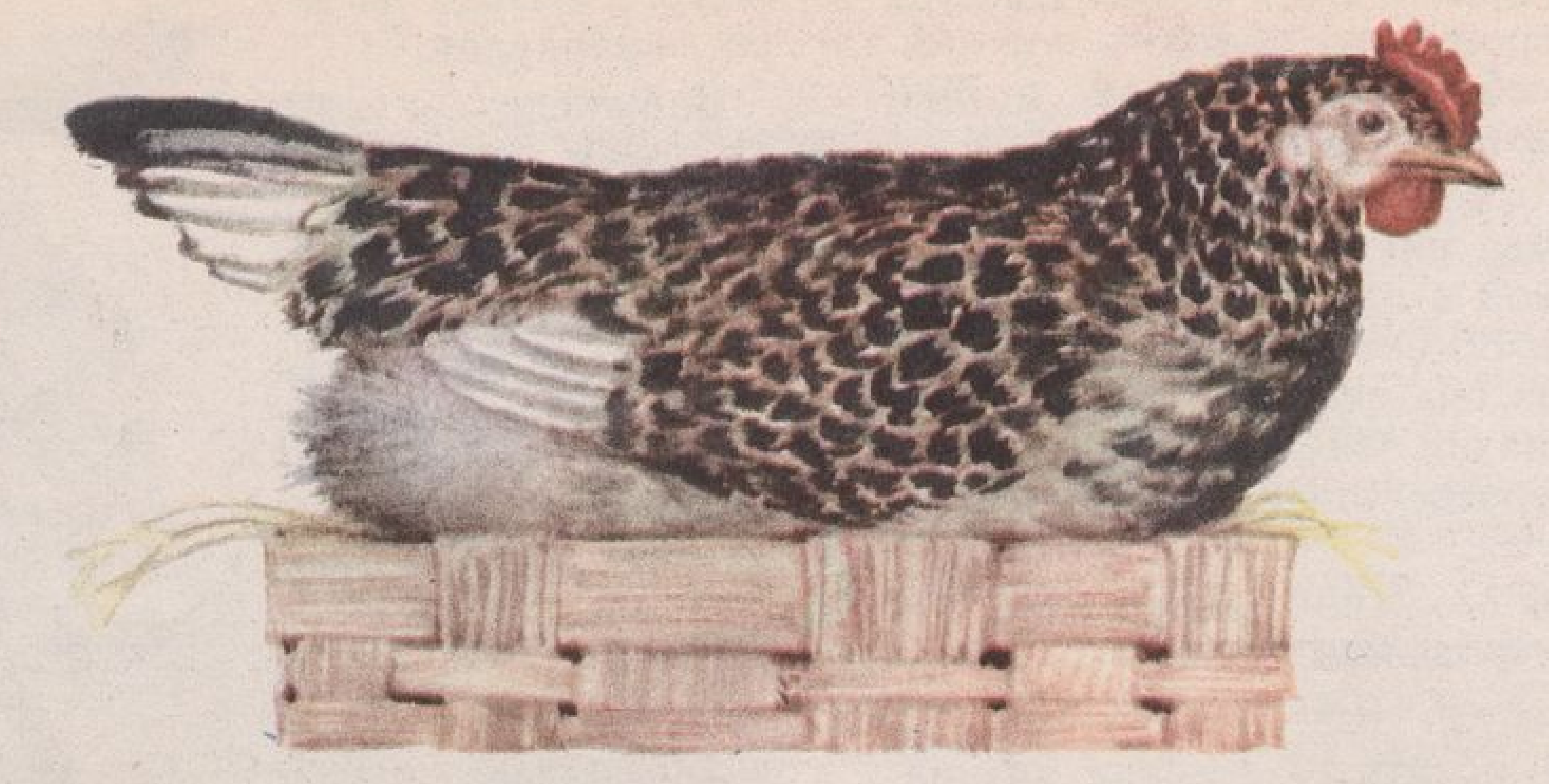
А зайчишка Рваные Ушки, не будь глуп, взял да высунул голову из дырки между камнями, что посредине гряды. Поглядел Рваные Ушки в одну сторону — там лис караулит, за камень прячется. Поглядел в другую сторону — там лиска за кустом сидит, караулит. И никуда не стал выходить — ни в ту, ни в другую сторону.

Видят и лисицы: высунутся вдруг посреди гряды длинные заячьи уши с чёрным пятнышком на конце, крутнёт ими заяц в одну сторону, крутнёт в другую, — и опять уши спрячутся.

Поняли: надо снимать осаду. Видно, там у зайчишки между камнями есть чем кормиться. Закусывает себе травкой. Его и измором не возьмёшь.

Ждали-ждали лисицы и ушли восвояси.

Вот до чего хитрющий зайчишка: двух лисиц перехитрил и цел остался!

КУРОЧКА РЯБА И ДЕСЯТЬ УТЯТ

С. МАРШАК | *Рис. В. ЛЕБЕДЕВА*

Знаешь сказку про деда и бабу
И курочку рябу?

Если ты её знаешь,
Могу я
Рассказать тебе сказку другую.

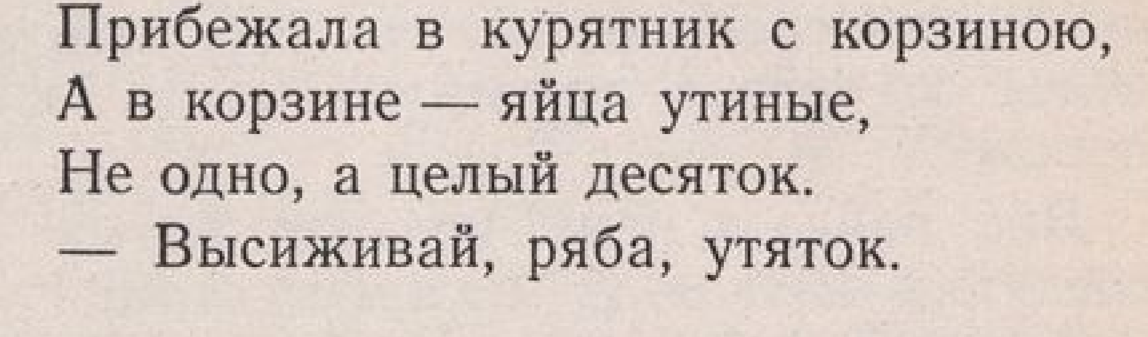
Жили-были другие дед и баба,
И была у них другая курочка ряба.
Снесла курочка яичко —
Не золотое,
Простое,
Не всмятку
И не крутое,
А самое обыкновенное —
Сырое.

Мышка бежала,
Хвостиком махнула,
Яичко упало
И разбилось.

Горько плачет
Курочка ряба.
Пожалела курочку
Баба,

Прибежала в курятник с корзиною,
А в корзине — яйца утиные,
Не одно, а целый десяток.
— Высиживай, ряба, утяток.

А рябая курочка рада.
Ничего ей больше не надо.
Принялась она сразу за дело —
Весь десяток высиживать села.
Дни и ночи сидит напролёт.
Редко-редко поест и попьёт.

Скоро вылупились у наседки
Из скорлупок пушистые детки —
Целый десяток
Жёлтых утяток.
Запищали один за другим:
— Есть хотим!
Пить хотим!
Жить хотим!

На цыплят они не похожи:
На ногах — перепонки из кожи,
А носы у них плоские, длинные,
Не куриные,
А утиные.

Вышла с детками курочка-мать
Из ворот погулять, поклевать,
Разгребает землю проворно,
Ищет лапкою крошки и зёрна.
Отыскала и кличет утят,
А утята итти не хотят —
Убежали куда-то в канавку,
Щиплют клювами свежую травку.

А у курицы
Короток нос,
До утиного не дорос.
Хорошо ей клевать зерно,
А траву щипать мудрено.

Ковыляют утята за курицей,
По зелёной спускаются улице.
Увидали широкий пруд,
Побежали к воде — и плывут,
Воду пьют, обгоняют друг друга.
А наседка кричит с перепуга:
— Куд-куда!
Куд-куда!
Вы куда?
Иль не видите? Это вода!

Уж такая курица птица,
Что воды, как огня, боится.

А утята, почуяв свободу,
Так и режут студёную воду,
Выходить из воды не хотят.

Смотрит курица-мать на утят,
Беспокойно по берегу ходит,
Глаз с детей непослушных не сводит.
— Ко-ко-ко! — говорит. — Ко-ко-ко!
Вы утонете! Там глубоко!

И сама она в воду пошла бы,
Да не плавает курочка ряба!

Возвращаются девять утят,
Вперевалку выходят, спешат.
Только младший вернуться не хочет,
Машет крыльями, голову мочит.
Увидал червячка — и нырнул.
А наседка кричит: — Караул!
Самый младший сынок утонул!

Вот и вышел утёнок десятый,
Да ушли остальные утята —
Друг за дружкой цепочкой идут
И в другой направляются пруд.

Добежать им осталось немножко.
Вдруг навстречу — усатая кошка.
Притаилась она за травой,
Только водит слегка головой,
На утят ковыляющих щурится.
Да её заприметила курица.

Поглядела сердитым глазом,
Пух и перья взъерошила разом
И, хоть прежде летать не умела,
Над землёю стрелой полетела.
Налетела и ринулась в бой,
Всех утят прикрывая собой.

Плохо кошке пришлось в этой схватке.
Удирает она без оглядки
По траве между кочек и пней,
А наседка вдогонку за ней
Через ямы, бугры и ухабы...

Ну и храбрая курочка ряба!

Соловей

ПЁТР ДУДОЧКИН

В нашем колхозе около каждого дома есть сад. Возле дома, в котором живёт Миша, сад очень густой. Сквозь кусты вишен и смородины даже пройти трудно.

Весной в этих кустах поселился соловей. Поселился — и песни запел, да такие весёлые, звонкие, красивые, что чем дольше их слушаешь, тем больше слушать хочется.

Миша услыхал соловьиную песню и давай по кустам лазить, соловья искать.

Соловей испугался, притих, а когда мальчик ушёл, снова защебетал и засвистел на все лады.

Миша опять стал по кустам шарить, но соловья так и не нашёл.

С тех пор соловей совсем перестал петь. Мише стало скучно, и он пошёл к своему товарищу Кузьме.

Кузьма был в саду. Он держал в руке лейку и поливал водой маленькие кусточки клубники.

И вдруг где-то близко-близко на вишне запел соловей, да так красиво, что Миша даже рот открыл от удовольствия.

— Слышишь, соловей! — крикнул он.

— Не надо кричать, — попросил Кузьма шопотом.

— Давай найдём его, — сказал Миша.

— Нельзя! — строго ответил Кузьма.

— Почему?

— Соловей не любит, когда ему петь мешают. Он живёт только там, где его не пугают и любят по-настоящему.

Миша вздохнул и подумал: «Наверно, это мой соловей сюда прилетел».

А соловей всё пел и пел, словно благодарил Кузьму за то, что он не пустил Мишу по кустам лазить.

РУССКИЕ ПОСЛОВИЦЫ

Скучен день до вечера, коли делать нечего.

Хочешь есть калачи, так не сиди на печи.

Что делаешь? Ничего. А он что? Помогать пришёл.

Глаза страшат, а руки делают.

Сегодняшней работы на завтра не откладывай.

Терпенье и труд всё перетрут.

Гуляй, да дело не забывай.

Лежебоке и солнце не в пору всходит.

На обложке — рисунок Ю. Коровина

Год издания двадцать девятый   **Цена 1 руб.**   Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Адрес редакции: Москва, Сущёвская ул., 21.   Тел. Д 1-15-00, доб. 1-06.   А00991   Подписано к печати 8/IV 1953 г.
2,8 уч.-изд. л.   Бумага $60\times92^{1}/_{8}$=1,5 бум. л.=3 печ. л.   Тираж 325 000 экз.   Заказ 578

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия», Москва, Сущёвская, 21.

Рис. Г. НИКОЛЬСКОГО